

ного (психологічного) збитку. Остання третина направляється на погашення судових витрат і витрат держави на розслідування й судовий розгляд справи». Це відкриває певні шляхи реалізації віктимологічного напрямку в сучасному кримінальному законодавстві України та гарантує послідовний захист прав людини. З другого боку орієнтування китайських законодавців на таку редакцію чинної ст. 36 Кримінального кодексу КНР може надати додаткових перспектив щодо поліпшення прав потерпілих від злочину.

УДК 340.113

С. П. Кравченко

О ЯЗЫКОВЫХ ОСНОВАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Онтологическое единство языка и права проявляется в процессе формирования юридической действительности в словесно-знаковой системе. Этот процесс является одним из самых первичных и постоянных, который непосредственно выполняется при проникновении в правовую реальность, правовую систему, законодательство и состоит в образовании юридических понятий и категорий. Формирование категориального аппарата юриспруденции имеет свои последовательные стадии и элементы. И первичность в стадийном положении отводится, безусловно, языку. В юридической сфере концепты могут быть определены применительно как к позитивному праву, так и реалиям социально-правовой действительности. В процессе репрезентации различных правовых объектов и явлений, в ходе умственных рассуждений и языкового их отражения происходит формирование концептов, концептуальных позиций, правовых категорий. Данный процесс весьма сложен и многогранен, поскольку опирается на меняющиеся и часто противоречивые правила и формулы, специфику правовоззрений, а также на крайне изменчивые формы поведения людей и явления социально-экономического, психологического, лингвистического, этического порядка. Однако благодаря постоянному развитию понятийно-категориального аппарата возможно осмысление динамики конкретных государственно-правовых явлений, проникновение в их сущностную нагрузку.

Категориальный аппарат юриспруденции представляет собой целостную систему понятий и категорий, которые обладают общими характерными чертами и ориентированы на общие модели, при общем режиме их применения. Языковая специфика отражения юридической действительности выражается в неоднородности самого языка права [1, 85]. Он рецептирует язык римского права, впитывает элементы общего языка, базируется на научной юридической традиции формулирования терминологической основы, переплетает словари различных технических дисциплин, отражает тенденции развития информационного пространства. И в этом аспекте точность терминологической (кате-

горизонтальной) базы юриспруденции необходима. Именно чтобы устранить возможные неточности в терминологии, формулируются определения (дефиниции). Но и самое точное определение часто (особенно касательно юриспруденции и этики) не в состоянии устранить колебаний значения, которые остаются незаметными и скрыто влияют на заключения в сторону ошибки. Не только определенный термин, но и каждое из определяющих его слов обыкновенно способны менять свое значение в зависимости от контекста и целей употребления.

Определение правовой категории состоит в том, чтобы передать смысл слова, которым эта категория обозначается в соответствии с элементами, которые эта правовая категория содержит [2, 387]. И в данном случае формирование определения правовой категории включает два аспекта: содержательный и формальный, т.е. отражает материальный состав той или иной категории, а также формальный, передавая с помощью языка, смысловую нагрузку термина. При этом юридические категории имеют только такое значение, каким их наделяют правовые реалии, которые данные категории призваны отражать.

Использование правовых категорий позволяет увеличить рациональность и целостность права, облегчить процесс правоприменения. В этом аспекте особое значение при формальном отражении правового явления, факта в той или иной правовой категории, приобретает язык права.

Языковые аспекты формирования и изменения понятий и категорий юриспруденции, стилистика нормативно-правового материала, особенности юридико-лингвистического толкования и формулирования правовых текстов получают все большее развитие в теории права, в правовой лингвистике. Данную проблематику разрабатывают в своих исследованиях Ю. Зайцев, Н. И. Козюбра, М. Цвик, П. М. Рабинович, А. Колодий, О. Л. Копыленко, Г. Сахаров, Д. А. Керимов, Л. И. Чулинда, Т. В. Губаева, В. П. Мальков, Ю. Ф. Прадед, в том или ином ключе характеризую и выделяя роль, значимость, правила и особенности использования языковых средств в процессе отражения правовых реалий. Однако «языковой» вопрос права остается тем самым объектом исследования, который требует многоуровневого и постоянного познания.

Различные явления социальной и правовой действительности в их развитии, согласованности и противоречии отражаются в праве в форме понятий и категорий, выступающими не более как сокращениями, охватывающими, соответственно их общим свойствам, множество различных чувственно-эмоционально воспринимаемых вещей. Это становится возможным лишь потому, что понятия и категории, будучи отражением объективной правовой действительности, терминологически очерчивают границы содержательной сути отображаемого правового явления. Именно поэтому формирование понятийно-категориального аппарата юриспруденции, соответствующего основным свойствам и особенностям правовой реальности, выступает одним из существенных показателей зрелости юридической науки и правовой системы в целом.

Категории юриспруденции, обладая свойством всеобщности и определенной внесубъектности, отражают правовые реалии в присущих им языковых формах выражения своего содержания [3, 99]. Это обстоятельство требует выбора

специфического способа терминологического выражения данных форм, исключая возможность неверного (двусмысленного) истолкования смыслового содержания правовой категории. Тем более это важно, когда речь идет о законодателе, учитывающем внутреннюю связь и зависимость между правовыми явлениями понятиями и категориями, нередко идущего по пути: от явления к понятию (категории), а от него к термину.

Язык и системное строение права выступают его своеобразной внутренней формой. Это ярко проявляется, например, при рассмотрении двух языковых слоев закона. Первый слой образуют научные понятия и категории, в основе второго слоя лежат собственно правовые категории, отличающиеся большей стабильностью, нежели понятия в юридической науке, ибо они неизменны, пока действует закон, но они также должны быть результатом научного познания. Свою функцию язык в законе выполняет через логико-формальные языковые средства: лексические, грамматические, семиотические. Эти средства подчинены главной идее — правильному и точному выражению основных юридических понятий, категорий и терминов. В свою очередь сами категории права можно рассматривать как своеобразные правовые и логико-языковые феномены, получающие отражение в различных юридических формулировках, которые можно рассматривать как основную часть языка права. Даже учитывая определенную мифологизацию роли юридических формул, следует признать, что их качество определяет адекватность передачи юридического содержания.

Язык права должен теоретически совпадать с обиходным языком. Однако при этом он должен быть одновременно более точным и не должен исключать соблюдения требований, которые предъявляет техника построения и использования юридических концептов, категорий, механизмов, предписаний и рассуждений [4, 217]. Определение языка как «системы знаков», а семиотики как «теории знаков» открыло путь для развития «юридической семиотики» [5, 328–331]. Последняя может быть ориентирована на логическую формализацию предписаний и положений, характерных для правовой сферы, или на построение грамматики права, под которой понимается совокупность правил, регулирующих производство и толкование тех дискурсов и практик, которые имеют юридическую значимость. И в данном случае речь идет не только об изучении и познании слов, но и концептуальной структуры языка права, обращая особое внимание на:

– *национальный характер*, который является неизбежной чертой терминов, понятий и категорий юриспруденции, поскольку последние призваны описать и объяснить то индивидуальное и однократное, которое определяется понятием правая реальность того или иного народа в ту или иную эпоху его истории;

– *полисемичное* начало языка права, поскольку последний призван отражать бесконечно разнообразные явления правовой действительности, терминосистема должна быть достаточно пластичной, гибкой;

– *языковую самостоятельность* при отражении того или иного юридического явления, поскольку именно этот критерий позволит более ясно и точно, последовательно и лаконично выразить правовую идею, правило, формулу;

– язык права глубоко *метафоричен*, и это оказывает влияние на правовое мышление, формулирование и восприятие категорий юриспруденции. Данный фактор особо необходимо учитывать, поскольку в действительности многие правовые явления понимаются нами метафорически, антропоцентрически, антропоморфически;

– *логические аспекты*, которые связаны с совокупностью допущений, определяющих толкование слов. При этом необходимо учитывать, что смысловая нагрузка слов зависит от юридического объема, понятия, от того, к категории какого уровня относится используемый юридический термин;

– *социолингвистические аспекты*, затрагивающие отношения между используемым языком и различными параметрами правовой коммуникации, выражающиеся в понимании лингвистического кода.

В сфере права, где безупречная четкость правил и предписаний является гарантией справедливости и правовой безопасности, слово и формула оказываются обязательными участниками процесса выражения концептов, категорий и юридических правил. Слово, которое выражает правовую категорию (концепт), формула, отражающая ее внутреннюю структуру и возможность сочетания с другими категориями в целях образования более целостной системы, — это логико-языковые инструменты, необходимые для связи юридических понятий, категорий, норм и суждений. Таким образом, следует признать особую роль языка права, обеспечивающего функционирование не только юридической техники, но и возможность специального способа выражения юридической идеи и правовой реальности.

Литература

1. Ушаков А. А. О языке законов и законодательской стилистике // Структура лингвостилистики и ее основные категории. — Пермь, 1983.
2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. — М.: NOTA BENE, 2000.
3. Морозова Л. А. Юридическая техника // Государство и право. — 2000. — № 12.
4. Кулакова Ю. Ю. Язык права // Юридическая техника. — 2007. — № 1.
5. Прадід Ю. Ф. Методологія юридичної лінгвістики // Науковий вісник НАВСУ. — 2001. — № 5.